

:

著者(英)	Marina Mongush
journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	92
page range	120-126
year	2010-05-25
URL	http://doi.org/10.15021/00001033

принимал по 12-14 больных. Пресса отмечает, что после его сеансов пациенты чувствовали себя лучше, у них восстанавливались утраченные функции (см. «Труд» от 05.05.04, № 81-82, с.1). В августе 2005 г. в Стамбуле на базе Университета Йедитепе (Yeditepe) состоялся Всемирный Конгресс “Основные вызовы здоровью человека в 3-м тысячелетии”. В числе 37 вопросов, вынесенных на обсуждение ученых, под пунктом 24 рассматривался вопрос “Местные традиции лечения людей и практика шаманизма”. Россию на форуме представляли тувинские шаманы общества “Дунгур” Дугаар-Сюрюн Ооржак и выше упомянутый Лазо Монгуш. Они провели семинары по практикам тувинского шаманства.

Активную деятельность ведет известная потомственная шаманка Ай-Чурек Оюн, она же председатель централизованной религиозной организации тувинских шаманов «Тос-Дээр» («Девять Небес») в Кызыле. Ай-Чурек занимается целительской практикой в Италии, Швейцарии, Франции, Германии, США, а также по просьбе желающих регулярно устраивает в Москве камлания и ведет семинарские занятия по шаманским практикам и гаданию «хуваанак». Часто с лекциями о шаманизме в зарубежных университетах выступает доктор исторических наук и практикующий шаман в одном лице Монгуш Кенин-Лопсан.

В родной Туве шаманы обычно оказывают людям услуги по ускорению выплаты зарплат, лечению больных, поиску пропавших людей и украденного скота, проведению обрядов поминок на 7 и 49 сутки, предсказаниям и т.д. Они также устраивают «вызывание» дождя в летнюю засуху, снегопада в бесснежную зиму, останавливают пожары и способствуют плодородию.

Специалисты-религиоведы считают, что шаманизм в Туве не может конкурировать ни с буддизмом, ни с другими конфессиями в силу специфики самого шамана, а также из-за отсутствия институционального оформления шаманизма. Отмечается также, что шаманизм всегда занимал и будет занимать свою нишу в общей системе духовной культуры тувинцев, сохраняя при этом свою аудиторию и последователей. Таким образом, шаманская традиция, когда-то впечатлившая немецкого исследователя Менхен-Хельфена, до сих пор живет и развивается, обретая новые формы и средства выражения.

6. От китайской далембы до финансовых инвестиций

К тому времени, когда Менхен-Хельфен приехал в Туву, китайское присутствие в крае было уже незначительным, более того, оно из года в год убывало. Здесь действовало всего пять китайских торговых фирм: Баенбо, Ташинтафу, Пешинбоду, Ингань и Туменцзы. На них в общей

сложности приходилось 30 торговых лавок, сосредоточенных в основном в местах наибольшего скопления народа, т.е. около монастырей. В ставке амбын-нояна находились три лавки, в ставке Хемчикского правителя – пять, рядом с Чаа-Хольским хурэ – четыре, еще четыре лавки рядом с хурэ Шанагаш, три – в Тапсы и четыре – в Шагонаре (Монгуш 2001:62).

«В настоящее время китайский торговец исчез из Тувы вследствие политических соображений, - пишет Менхен-Хельфен, - ... последние запасы далембы кончаются». Тувинцы испокон веков шили себе верхнюю одежду из далембы, которую покупали у китайских купцов. Последние ткали ее на своих станках в Чили и Шаньси, а оттуда «материал переходя из рук в руки, добирался до отдаленных юрт Тувы». «Какой материал принужден брать тувинец?», - задается вопросом Менхен-Хельфен и сам же отвечает на него: «Он принужден покупать сомнительную ткань русских текстильных фабрик Ивано-Вознесенска. Там русский текстильный трест изготавливает материал, имеющий некоторое сходство с далембой, но настолько дорогое и хуже (по качеству – М.М), что тувинцы со вздохом вспоминают далембу прежних времен... С тех пор как русские закрыли ввоз из Китая, прекратилась торговля шелками. Раньше женщины на груди украшали свои верхние одежды пестрыми шелковыми лентами и кусочками шелковой материи. Теперь этого больше нет. Россия не производит никаких шелков, таким образом исчезает и это украшение... Так же исчезают понемногу старинные шляпы. Тувинцы носят разнообразные головные уборы. Они знакомы со всеми уборами из Китая и Монголии... Раньше они имели огромный выбор, в настоящее время ничего. Госторг и Тувинценкооп не торгуют никакими монгольскими и китайскими шляпами. Истинные приверженцы правящей партии, как ученики партшколы и чиновники носят русские фуражки, а остальные довольствуются куском ситца вокруг головы – больше достать ничего нельзя... Тувинец может ко всему привыкнуть: что не шьет себе больше одежды из далембы, что должен повязать голову ситцевым платком, который скорее подходит к русской бабе, чем к коричневому монгольскому лицу, но что он не курит больше своего любимого табака, для него большой удар. Этот сладковатый, крепкий китайский табак, к которому примешивают еще различные пахучие вещества. Теперь он почти совсем исчез» (Менхен-Хельфен 1931:86-87).

Кроме далембы, шелка и табака, огромным спросом у населения пользовались также ножи, табакерки и курительные трубки. Менхен-Хельфен обратил внимание, что все тувинские мужчины носят на пряжке огниво и нож. То, что ножи у них китайского производства можно было легко определить по их обработке и специальному приспособлению

(футляру – М.М.) к нему, в котором хранились палочки для еды. Ножи эти были довольно длинными и широкими; мужчины с одинаковым успехом могли ими колоть дрова и рубить мясо.

Каждый мужчина при себе имел также табакерку и трубку. То и другое завозились в большом количестве из Китая. Менххен-Хельфен признается, что не мог представить себе тувинца без нюхательного табака и любимой трубки – *дунза*. В Туве курили практически все: и мужчины, и женщины, и подростки. Только при верховой езде никто не курил (Менхен-Хельфен 1931:87-88). О популярности этих курительных приборов пишет также В.Родевич: «Предметом особого щегольства для мужчин урянхов (тувинцев – М.М.) служат их карманные табакерки для нюхательного табака; они имеют вид флаконов, и закрыты пробочками с лопаточкой внутри. С этой лопаточки потребители и потягивают табак... Кроме табакерок, у сойот (тувинцев – М.М.) ценятся и китайские трубки с каменными мундштуками; за эти каменные и стеклянные изделия урянхи уплачивают дорого: агатовый флакон стоит от 15 до 30 рублей, по местному счету – 2-4 годовалых бычка, или торбака; резной флакон стоит одного бычка» (Родевич 1910:27-28). «Табак у сойотов китайский, - замечает Г.Е.Грумм-Гржимайло, - и только в исключительных случаях его замещают русской листовкой. Суррогатом его служит древесина тополя, ивы и березы, которую высушивают и обращают в порошокобразную массу, которую и подмешивают к табаку». Первым приемом гостя является предложение хозяину юрты своей трубки, которую он предварительно тут же раскуривает (Грумм-Гржимайло 2007:576-577).

Другими китайскими товарами, пользовавшимся широким спросом в Туве, были чай, сахар, свинец, порох, свечи, железо, котлы, фарфоровая посуда и др. Стоили они по тем временам недешево. Например, китайский табак стоил 2 рубля 10 копеек, один метр далембы – 2 рубля 30 копеек, сахар – 78 копеек, свечи – 70 копеек, свинец – 40 копеек, порох – 1 рубль 50 копеек, железные листовки – 1 рубль 60 копеек (Архив ВПРФ, ф.153, оп. 6, папка 3, д.11, л.16).

Однако, китайская торговля в Туве отнюдь не носила односторонний характер. Неверно полагать, что китайцы привозили свой товар, а тувинцы их скупали у них. Было и наоборот: китайцы приобретали у местного населения весьма специфические товары. Менхен-Хельфен пишет, что особым спросом у китайцев пользовались маральи рога; за новые, которые еще наполнены кровью, они платили баснословные деньги; затем они их переправляли в Китай, где из них изготавливали медицинские препараты (фото 9). Он также пишет о китайце, владельце частного фотоателье (ранее упомянутом) и небольшой гостиницы в Кызыле. В его мастерской

висело несколько маральных рогов. «За очень хорошие он платил по 300 рублей, - пишет он, - а в прошлом году он за исключительные по красоте рога заплатил 480 рублей. За какие же деньги он их перепродавал, он мне не сказал». Этот китаец жаловался Менхен-Хельфену «на упадок верования, честности и верности у так называемых раньше честных тувинцев». Они, по его мнению, за последнее время так испортились, что научились делать разные махинации. Например, прежде чем продать рога, они предварительно держали их в воде, чтобы те стали тяжелее. Самое интересное, что этому способу «они научились у самих же китайцев, которые прибегают и еще к другим более тонким приемам» (Менхен-Хельфен 1931:68).

Каррутерс в свое время также отмечал, что торговля рогами маралов является весьма доходным бизнесом. «О значении, которое придается мягким отросткам рогов китайцами, можно судить по той цене, которую они за них платят, - пишет он. - В Чаа-Холе рога продаются гуртом по цене десять шиллингов за фунт чистого веса рогового вещества, тогда как в других местах вдоль границы нам удавалось слышать рассказы об охотниках, которые выручали от 20 до 25 футов стерлингов за тяжелую пару рогов. Как хорошо известно всем, китайцы очень верить в медицинские свойства рогов молодых маралов и, принимая во внимание необычайные коллекции, наполняющие внутренность любой аптекарской лавочки в китайском городе, не кажется странным, почему в число их включены также и рога молодых маралов» (Каррутерс 1914:171-172).

Оценив перспективность этого бизнеса, примеру тувинцев последовали и русские. Они специально начали разводить маралов, которых держали в особых загонах вблизи Кызыла и Турана. Весной у животных спиливали рога, а доход от их продажи с лихвой покрывал расходы, вызванные, например, неурожаем (Менхен-Хельфен 1931:68-69).

Следует заметить, что до появления китайского и русского торгового капитала металлические и бумажные деньги в Туве не играли существенной роли, так как единицами обмена служили беличьи шкурки, рогатый скот в виде *торбака* — одно годовалого быка, овцы, а также прессованный чай в плитках. Такая форма обмена давала возможность иноземным купцам беззастенчиво обирать тувинцев, не имевших до этого дел с рынком, а потому не знавших рыночных цен и не способных судить о подлинной стоимости того или иного товара. В этом плане китайские купцы пользовались особенно дурной славой; за пачку табака они брали овцу, за плитку чая — пять шкурок соболей, за иголку — барана, а «китайская бумажная ткань суямба... продавалась “от рога до рога”»: взрослый бык один раз оборачивался суямбой с таким расчетом, чтобы

один конец касался одного рога, другой — второго; бык переходил в руки китайца, суямба — в руки тувинца” (Маслов 1933:22). А.П.Беннигсен отмечал, что ненависть тувинцев к китайцам, обиравших их беспощадно, еле-еле сдерживалась (Беннигсен 1913:33). А.В.Адрианов пишет, что тувинцы называли презренных и ненавистных им китайцев, не иначе как черными собаками (Адрианов 2007:112).

После Менхен-Хельфена китайского присутствия в Туве не наблюдалось несколько десятилетий. Тому способствовали объективные обстоятельства: вхождение Тувы в состав Советского Союза в 1944 году; ухудшение отношений между СССР и Китаем в 1950-80-х годах; железный занавес, не позволявший, с одной стороны, кому бы то ни было въезжать в Союз без надлежащих на то оснований, с другой – свободно выезжать советским гражданам из страны.

Такое положение сохранялось вплоть до распада СССР. Российско-китайские отношения стали возобновляться только в начале 1990-х годов. С этого времени китайцы начали медленно, но верно осваивать постсоветское пространство, в первую очередь Дальний Восток и Сибирь. Начав свою деятельность в России с челночного бизнеса, китайцы постепенно расширяют сферу своего влияния на российском рынке. Эта тенденция не обходит стороной и Туву. Отсутствие железной дороги в край не становится препятствием для предприимчивых деловых людей из Китая.

Так, в апреле 2006 года состоялся аукцион по продаже лицензии на освоение Кызыл-Таштыгского месторождения полиметаллических руд в Тоджинском кожууне Республики Тува. Известно, что данное месторождение содержит большие запасы цинка и свинца, которые в настоящее время пользуются высоким спросом на мировом рынке. Китайская компания ООО “Лунсин” (г. Новосибирск), за которой стоят деньги китайской энергетической и химической корпорации Sinopet, получила за 740 млн. рублей право на разработку этого месторождения сроком на 25 лет.

В августе этого же года в Доме правительства состоялась встреча руководителей республики с представителями этой компании. Китайскую сторону на ней представляли Чан Чию, главный управляющий по освоению ресурсов за рубежом, председатель сибирско-китайского торгово-промышленного союза; Чэнь Цзинцзе и Хан Чженсин, руководители комиссии по запросу и аргументации специалистов. Представители компании сообщили тувинскому правительству о начале проектных работ и проведенных переговорах с проектными институтами Москвы и Екатеринбурга.

Визит представителей китайской компании в Туву был связан с решением ряда вопросов: транспортной и энергетической инфраструктуры, строительства и размещения складских помещений, привлечения квалифицированных кадров, открытия представительства компании в Кызыле. Китайская сторона взяла на себя обязательства учитывать строжайшие экологические требования, предъявляемые тувинской стороной. Однако обе стороны сошлись в едином мнении, что деятельность ООО «Лунсин» принесет взаимную пользу, т.к. корпорация станет одним из крупнейших налогоплательщиков и, согласно договоренности, примет участие в социально-экономическом развитии Тоджинского кожууна, организации рабочих мест, в том числе, обучении и подготовке кадров из числа местных жителей.

Однако начало работ по освоению тувинских недр китайскими силами усложняется из-за крайне остро стоящей энергетической проблемы в Туве. Между тем удовлетворение потребности в энергии для китайской стороны крайне важно, так как Кызыл-Таштыгское месторождение должно быть введено в эксплуатацию, по условиям договора, до 2011 года. Однако и тут китайские промышленники проявили инициативу: они готовы вложить в строительство теплоэлектростанции в Туве до 315 млн. долларов, то время как месторождение полиметаллических руд требует несколько меньших инвестиций – около 200 млн. (см. www.tuvaonline.ru).

Не имея возможности решить энергетическую проблему в Туве силами российских энергетиков, тувинское правительство вынуждено обсуждать с китайской стороной возможность ее участия в строительстве топливно-энергетической станции на Каа-Хемском угольном разрезе. По их предварительным расчетам, на строительство угольной станции может потребоваться минимум три года.

Подавляющему большинству простых тувинцев предстоящая деятельность китайской компании на территории Тувы представляется серьезной угрозой как экологического, так и стратегического характера. Главный их аргумент состоит в том, что «бескорыстные» инвестиции китайских промышленников для Тувы могут откликнуться в будущем. Получив серьезное преимущество в регионе, Китаю будет проще взяться за освоение других месторождений, а также за геологоразведку. А когда проект строительства железной дороги до Кызыла будет подходить к реализации, представители КНР могут предложить протянуть ее дальше – в Монголию, а оттуда и до Поднебесной недалеко. А это – прямой путь к китайской экспансии, противостоять которой будет нелегко.

Если к этому добавить еще тот факт, что в последнее время престижными мужьями для тувинков становятся китайцы, то избежать

ассимиляции и депопуляции тувинского общества в будущем будет довольно сложно. К тому же следует заметить, что на фоне тувинских мужчин с невысоким адаптивным потенциалом, с которым крайне сложно выжить в условиях глубоких трансформаций в обществе, китайцы выглядят весьма выигрышно. Когда женщин, вышедших замуж за китайцев, спросили, почему их выбор пал именно на них, все без исключения ответили: «Китайский муж лучше тувинского, потому что не пьет, много работает, обеспечивает семью, заботится о детях». Но китаец по сравнению с тувинцем, да и с тем же русским, не только надежный семьянин, он также удачливый предприниматель, готовый работать 24 часа в сутки ради достижения поставленной цели. Открыв свое дело в Туве, он принимает на работу родственников жены, а в случае необходимости вызывает свою родню из Китая, которую также привлекает к общему бизнесу. Так возникают тувинско-китайские родственные связи, которыми тувинцы предпочитают гордиться, несмотря на историческую память, в которой китайцы запечатлелись как люди, беспощадно обиравшие и эксплуатировавшие их предков.

Тувинско-китайские контакты дополняются также регулярными поездками тувинцев в Китай. Так, каждую неделю совершаются автобусные экскурсии из Кызыла в Маньчжурию; ежегодно организуются групповые поездки на курорты Поднебесной; участились частные визиты к родственникам в Китай, которые обосновались там благодаря заключению брака с гражданами этой страны.

Для обсуждения вопросов двустороннего сотрудничества в Китай направляются специальные правительственные делегации из Тувы. С этой же целью Туву регулярно посещают представители китайской стороны. Все это создает благоприятную почву не только для тувинско-китайского сотрудничества, но и расширения и укрепления китайского присутствия в Туве.

Если в прошлые века китайцы из Тувы вывозили пушнину, скот, маральи рога, медвежью желчь и прочую «мелочь», то сейчас они претендуют на вывоз сырья, что, безусловно, свидетельствует об ином качестве и размахе китайского присутствия в Туве.

7. Брат, научивший говорить по-русски

Вопросу проникновения русских в Туву Менхен-Хельфен уделяет ничуть не меньше внимания, чем китайскому присутствию в крае. Если к моменту его визита китайцев в стране осталось немного, то русские, напротив, прибывали сюда целыми колониями. Исследователи выделяют четыре этапа переселения русских в Туву.